

2. ЧЕТЫРЕ БУКВЫ

Я знаю страну, где подростки выражают свои мысли на заборе и на стене словом не из трех букв, а из четырех.

Русское слово из трех букв известно всему миру, хотя не печатно. Новоявленное словечко из четырех букв цензурно, не опасно для женщин, детей и рафинированных интеллигентов и пишется: Лука. Производится из фамилии Лукашенко, президента Беларусь. Ничего оскорбительного, унижающего честь и достоинство, подрывающего высокую репутацию, дискредитирующего благие намерения слово из четырех букв не содержит. Я смело цитирую из стены магазина, где бордовой краской начертаны огромные буквы: ЛУКА.

Народы всех стран ради удобства сокращают фамилии начальства. Сколько сжатой энергии: Бил! Что значит президент Клинтон. Или: Чак! Так сотрудники "Литгазеты", где я много лет работаю, звали между собой легендарного редактора Чаковского. Его жестокого заместителя Сырокомского звали: Сыр. Знакомого мне директора завода подчиненные массы кличут в лицо: Сан-Саныч. Что благозвучнее Александра Александровича, на котором можно сломать язык. Дэн Сяопина, не смотря на неисчислимые заслуги, почитали лаконично: Дэн. К Ленину и Христу обращение сведено на ТЫ. Пришло время знака-имени и в Беларусь.

Беларусь идет своим путем, не копируя китайский, американский, европейский, российский опыт, а черпая оттуда лучшее. Так толкует Лука. "Мы гордо суверенны!" — поясняет белорусский путь министр иностранных дел Ван-Ваныч. Но на трансформаторной будке читаю нечто противоположное, темно-зеленое: "ЛУКА, Я ХОЧУ В ЕВРОПУ!" Неизвестный сочинитель не страдает гордостью и повторяет слоган белорусских заборов, лифтов, стен, лестничных площадок, недоступных труб и осветительных мачт. На высоте "Лука" звучит торжественно. Подобные обращения восходят к Библии.

Знаковое имя используется для выразительной рифмы, без рифмы оппозиционные тусовки неполноценны. Допустим: "ЛУКУ — НА МУКУ!" Смысл именно в рифме, в творчестве, а не в террористических намерениях, как расценивают некоторые перестраховщики процитированный мною и неоднократно показанный по всем телеканалам плакат. Впрочем, с цитированием я балансирую на острейшей белорусской грани разрешенного и запрещенного.

Слово Лука прилично, однако лексическая проблема моего репортажа в том, что Лука не пишется в одиночестве. Рядышком традиционно пишутся еще одно-два слова. Они-то и делают невозможным цитирование. Если вы опять подумали о слове из трех букв, вы плохо подумали о белорусских мальчишках. Повторяю, все слова у них хорошие, отражают названия братьев наших меньших либо природных явлений, а процитировать не могу. Это — репортаж с оглядкой.

Утром 3 августа 1997 года жители города Столбцы, что в восьмидесяти километрах от Минска, не узнали райцентр. На административных зданиях исчезли красно-зеленые флаги, а развевались бело-красно-белые. Заборы, фронтоны, балконы были щедро измазаны размашистыми надписями, где в различных сочетаниях употреблялись слова: ЛУКА, БЕЛАРУСЬ, СВЕТ, ЕВРОПА, МУКА, ЛЮБЛЮ, СВОБОДА, КОЗЕЛ. За короткую летнюю ночь была выполнена солидная по объему и риску работа. Далее последовала не менее солидная деятельность государства по закраске вредных лозунгов, восстановлению нужных флагов, поиску ночных трудяг-высотников.

25 августа были задержаны и водворены в следственный изолятор шестнадцатилетний школьник Вадим Лабкович и восемнадцатилетний студент Алексей Шидловский, оба члены "Молодого фронта", отпочковавшегося от БНФ. 4 сентября 1997 года им предъявили официальное обвинение по двум статьям: злостное хулиганство и надругательство над государственной символикой. Позже добавили третью статью: осквернение памятника Дзержинскому (железного Феликса кто-то вымазал краской).

Следователь Василий Папин вел расследование мальчишеских надписей пять месяцев! Как ни умоляли родители, под подписку о невыезде задержанных не выпустил, периодически продлевал им тюремный срок. 24 февраля 1998 года коллегия Минского областного суда вынесла приговор: Алексей Шидловский осужден к полутора годам колонии строгого режима, Вадим Лабкович получил столько же, но условно. На суде ребят держали в железной клетке, под охраной шести милиционеров с собакой. Власть демонстрировала жестокость как педагогический прием.

Организация "Международная амнистия" объявила Лабковича и Шидловского узниками совести. Европейские правозащитники прислали заявление. Они просили белорусские власти проявить милосердие, отпустить детей домой, дать возможность учиться, а если виновны в пачкотне стен и заборов — административно наказать за это интернациональное хулиганство, за которое в нормальной человеческой среде положен штраф и вдобавок порка родителями, а не многомесячное заточение. В Европе не знали, как

далеко ушла Беларусь от нормы. Там не могли представить, что заборное творчество заинтересует службу госбезопасности.

Упрямый студент Шидловский, не сознавшийся в писательских талантах, оказался женат. Жена — ниточка к душе мужа, сидящего на нарах. К делу подключился держатель всех тайных нитей — КГБ. Инну Пименову забрали с лекции и увезли для "дачи свидетельских показаний". Содержание пяти допросов неизвестно, но общий результат стал достоянием гласности.

Инна Пименова передала в офис БНФ собственноручное письмо о том, что один из руководителей фронта, Вячеслав Сивчик, изнасиловал ее. Соратники, оправившись от шока, стали размышлять. Во-первых, они верили в моральные качества коллеги по борьбе. Во-вторых, не поверили в качества физические, поскольку худой как жердь Сивчик шатался после месячной голодовки в тюрьме КГБ. В-третьих, не единожды убеждались в желании спецслужб скомпрометировать лидеров фронта.

Пока мужчины размышляли, Инна сочинила и принесла второе письмо. Это было признание, что первое письмо она написала "под давлением КГБ". Рискну процитировать: "В КГБ мне сказали, что если я не напишу такое заявление, то моего мужа Шидловского Алексея Михайловича никогда не увижу и неизвестно, будет ли он жив... Кроме того, мне угрожали, что тоже посадят в тюрьму. Заявляю, что факт изнасилования не является действительным. В очередной раз заявляю, что это провокация КГБ".

Спецы! Из тонкой ниточки намотали клубок. Из слова Лука высосали политический роман. Из мальчишек слепили преступников, угрожающих безопасности государства. Интриги государственных мужей опустили до уровня детских шалостей.

Беларусь безостановочно впадает в детство. И власть, и народ, и оппозиция — все туда. Власть хвалится, что по динамике экономического роста страна обогнала весь шарик земной. Народ верит, одобряет, поддерживает, хотя бедность не позволяет большей половине населения нормально питаться.

Оппозиция критикует "нечестную власть", "больной народ" и ... каждую свою особь, взятую в отдельности. Амбициозные оппозиционеры из разогнанного президентом Верховного Совета без усталости разоблачают друг друга, что ведет к саморазоблачению оппозиции в целом. К самопоеданию оной.

Телекомментатор не стесняясь называет оппозицию "сборищем прокаженных". Правосудие сшибает ее с ног штрафами (многомиллионными) и отсидками (многосуточными) в изоляторе. Государственная пресса не дает

народу забыть о недалеком прошлом наиболее агрессивных молодых оппозиционеров (Булахов, Гончар, Лебедько, Федута), приведших на вершину государства Лукашенко, заложивших фундамент президентской власти, а сейчас ломающих созданное своими же руками. Можно ли доверять столь непостоянным людям? Пропагандистский вопрос профессионален, ответ на него один: доверять нельзя.

В откровенных разговорах с третьими лицами оппозиционеры говорят друг о друге то же самое: ему доверять страну нельзя, это будет диктатор похлеще Лукашенко. Лукашенко, когда в хорошем расположении духа, говорит: дай бог, чтобы такая оппозиция была у меня вечно.

Диктатура, кроме всего прочего, это многослойный общественный маразм. Наиболее здоровый его слой — подрастающее поколение. Дети острее взрослых ощущают сладкое, кислое, горькое, соленое. На детском языке больше рецепторов-датчиков, по мере взросления они отмирают, остается несколько штук. Несмышленного ребенка отравить сложнее, чем умудренного мужчину. Ребенок успевает выплюнуть яд, мужчина глотает. У детей больше датчиков и в душе, что позволяет безошибочно определять лесть, ненависть, любовь, истинность, формализм.

Самое стойкое и последовательное сопротивление авторитарному режиму, сложившемуся в стране, оказывают дети и подростки. Не удивляйтесь. Подумайте. Что заставляет двенадцатилетнего мальчика упорно отказываться от нового школьного дневника с государственной символикой на первых страницах. Почему шестой класс две недели не повиновался учительнице, повесившей у доски президентский флаг, не повиновался, пока не убрала полотнище.

В седьмом классе — своя история. Трое мальчишек выпустили журнал, состоящий из красиво выклеенных и разукрашенных фломастерами листовок БНФ, вынутых из почтового ящика и собранных на митингах. Туда же переписали из газеты "Выбор" известное стихотворение молодого поэта Славомира Адамовича "Убей президента".

Бабушка одного соредактора, обнаружив журнал, чуть не упала в обморок. Не от страха за внука, занявшегося политикой. От идеологической ненависти к нему. У второго соредактора бабка тоже родом из электората президента, она немедленно собралась к директору школы с гневным вопросом: почему плохо налажен воспитательный процесс? Раньше доносил на старших Павлик Морозов, сейчас старшие доносят на Павлика.

После победоносных референдумов 1995-го и 1996-го, возвративших советскую символику и установивших президентское единоначалие во всех

закутках государства, в Беларуси воцарилась тишина. Президент констатировал, что в стране достигнуто духовное единство и согласие. Даже если допустить, что подобное дебильное состояние достигнуто в развитом обществе — сие засвидетельствует остановку в дальнейшем развитии. Если "духовное единство" фиксируется вождем как итог сомнительных референдумов, это означает окончательный диагноз.

Для политической борьбы в Беларуси не осталось легального пространства. Донельзя поредели ряды противодействующих политиков, оставшиеся не вызывают к себе уважения. Многие интеллектуалы замолчали, залегли на диванную эмиграцию. Телевидение вылизывает президента до тошнотиков. Тишина! Если бы не дети, эта тишина породила бы чудовищ, пожирающих будущее.

Современные белорусские дети — особенные. Чернобыль подорвал их здоровье, заставил рано думать о смерти. Многие неоднократно побывали за границей на лечении, пожили там в семьях, увидели иную жизнь. Они приезжают оттуда порозовевшие, но грустные. Повзрослевшие от сравнений двух миров.

Они думают о своем будущем, поэтому активно выбирают варианты жизнеустройства. Дети политизируются, наполняют дом идеологическими спорами. Дети рвутся на митинги. Перед уличными мероприятиями БНФ власти рассылают директорам школ циркуляр: детей на митинги не пустить, собрать в классах и занять спортом и художественной самодеятельностью. Кто в школу не явился, должен принести справку родителей, где был. Детей, ставших студентами, "спасают" от оппозиционной заразы отчислением из института.

Завоевав общество, "самый молодой" президент не завоевал молодежь. Его игривые лекции в молодежной аудитории не встречали бурных аплодисментов. Обещанные "молодежные кредиты" на жилье оказались для большинства нуждающихся мифическими. В главной молодежной газете "Знамя юности", переданной президентом молодым лакеям от журналистики, усердствуют перезрелые демагоги (Акулов). Тираж не растет, молодежь отказывается от яда. Президент ударился в футбольные матчи со студентами, ради них отказывал во встрече видным европейским политикам. Это походило на анекдот, и президент играть перестал. Занялся организацией хоккейных и футбольных чемпионатов среди школьников младших классов.

Остаться без поддержки молодежи — значит лишить себя желанной вечности. Престарелый электорат вымирает, надо рекрутировать молодую смену. Необходима ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. В 1997 году под

патронажем Лукашенко в сжатые сроки был создан БПСМ — белорусский патриотический союз молодежи.

Специальным указом президента союзу выделены офисы, транспорт, оргтехника, деньги. Деньги по разнарядке изымались со счетов министерств и ведомств и передавались БПСМ, годовой бюджет которого составляет примерно 3 миллиона долларов. По масштабам Беларусь, сумма астрономическая. Ее хватило бы на спасительные операции в зарубежных клиниках всем "детям Чернобыля", умирающим сегодня в Минском гематологическом центре.

Структура организации жестко-иерархическая: ЦК — обкомы — райкомы — горкомы — первички. Первичные ячейки зачастую создаются явочным порядком. Является функционер-патриот и, размахивая указом президента, требует у руководителя коллектива создать инициативную группу. Не создашь — нарвешься на финансовую проверку. Патриоты доложат куда надо, что ты против молодежной политики президента. Старшеклассников завлекают в БПСМ льготами на общественный транспорт, на посещение бассейна, на продукты питания, даже на сигареты. Как устоишь?

Первую массовку БПСМ провел в ноябре 1997 года — в честь годовщины референдума, утвердившего президентскую конституцию. Студентам и школьникам по списку предложили явиться к месту сбора, вручили краснознаменную атрибутику, портреты президента на древках, бесплатные билеты на дискотеку. Дисциплинированно пройдя по указанному маршруту, патриоты провели молниеносный митинг, приняли резолюцию в поддержку почетного носителя членского билета БПСМ № 1 Лукашенко, предложили день референдума назвать "днем согласия".

И конец. Монопольная идея стоимостью 3 миллиона долларов отравила молодые души. Задача организации: любить президента. Павку Корчагина использовать неприлично, это была бы комсомольская некрофилия.

В отличие от молодых патриотов, молодые оппозиционеры любят не конкретную личность, а конкретную страну. "ЛЮБЛЮ БЕЛАРУСЬ!" — их красный лозунг. Тоже, как видим, патриотический, хотя пишется на заборе.

Если взрослые не умеют мирно решать государственные проблемы, детям, увы, никуда не спрятаться от всепроникающего патриотизма. Французский мальчик Гаврош стремглав бежит на горящую баррикаду, а русский Павлик Морозов — в воинский штаб; партизан Марат Казей берет в руки последнюю гранату, гитлерюгенд — фаустпатрон, чеченский мальчишка — "калашников"...

Маленький белорус берет спичку. Он стоит в центре жиденькой толпы, но ему кажется, что он пуп земли. Зажженную спичку тринадцатилетний радикал подносит к государственному флагу. Флаг ярко вспыхивает, мальчик пугается и бросает факел на асфальт. Десятки фото- и видеокамер увековечивают "акцию протеста".

"Омон!" — кричат в толпе. Пятнистые фигуры вываливаются из узкой арки, как бычки из загона. Прут гурьбой. Беззвучно. У них нет милицейских свистков, у них дубинки. Бьют без разбору. Спасение — удирать.

Бегу, бегу, бегу. Вдруг черный асфальт под ногами засветился. Это понуждает остановиться, отдышаться. На тротуаре белые метровые буквы: "Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, НАТАШКА!" Поднимаю голову. Двенадцать этажей. Где-то там Наташкино окно.

1998

www.kamunikat.org